

КУМАХОВ М. А.

К ПРОБЛЕМЕ ОНОМАСТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ НАРТСКОГО ЭПОСА

Фольклор как поэтическое творчество, сохраняя древнейшие формы устного слова, играл огромную роль в духовной жизни народов. Возникнув задолго до появления письменности, литературы и литературного языка, фольклорное творчество выработало собственную поэтическую систему, свои лексико-грамматические средства, обобщенные формы живой устной речи. Примечательно, что многие явления устно-поэтического наследия, его поэтики и языка не только возвышаются над территориальными диалектами одного и того же языка, но оказываются межнациональными в силу специфики самого фольклорного творчества и его традиционных жанров.

В отношении нартского эпоса следует сказать, что этот памятник культуры выделяется не только своей монументальностью и широтой функциональной нагрузки, но и общностью традиций, свидетельствующих о многовековом взаимодействии и взаимовлиянии мифологических и фольклорных элементов разных народов.

Межъязыковые черты нартского эпоса особенно ярко проявляются в ономастике. Само слово *Нарт* и имена многих героев нартского эпоса характерны для эпической традиции разных народов — абхазов, абазин, адыгов (черкесов), осетин, балкарцев, карачаевцев, чеченцев, ингушей и др.

В литературе вопросы истории ономастической лексики нартского эпоса, как правило, рассматриваются в связи с проблемой генезиса эпоса. Это вполне оправданно, если учесть, что сложение и развитие эпической лексики, в особенности имен главных героев центральных циклов, в значительной степени связаны с генетическими проблемами самого героического эпоса, его региональных вариантов. Вместе с тем неправомерно считать, что выяснение происхождения слова *Нарт* и отдельных собственных имен эпических героев способно решить такую сложную проблему, как генезис нартского эпоса.

В этой же связи следует подчеркнуть, что особенностью эпической структуры нартских сказаний является отсутствие единого стержневого цикла, одинаково главного центрального для основных национальных версий. Общеизвестно, что в осетинских сказаниях центральным, узловым является цикл о Батрадзе, в абхазско-адыгских — цикл о Сосруко (Саусруко, Сасырква) [1, с. 34]. Поэтому естественно, что решение проблемы генезиса нартского эпоса в целом предполагает прежде всего решение проблемы генезиса центрального цикла в каждой из основных национальных версий.¹

Освещение истории эпической лексики, в том числе ее ономастического пласта, хотя и не решает проблемы генезиса нартского эпоса, может, однако, способствовать выяснению некоторых важных аспектов этой

сложной, комплексной задачи. Кроме того — и это не менее важно — изучение лексики эпоса (в том числе ономастики), являющейся источником глубокой и разноплановой информации о языке и этносе, представляет собой значительный интерес для этнолингвистики, вновь оказавшейся «на передовых позициях науки о языке» [2].

Ни одна проблема нартского эпоса не вызвала столь разноречивых мнений и толкований, как происхождение многозначного слова *Нарт*. Оно употребляется и как общее наименование героев эпоса, и как название эпического племени (народа) нартов, и как название эпической страны нартов.

Еще в прошлом столетии Ш. Б. Ногмов предпринял неудачную попытку этимологизировать слово *Нарт* на почве кабардинского языка: *нар* + *ант* «глаз антов» [3]. Л. Г. Лопатинский сравнивал *Нарт* с арм. *marđ* «человек» и сван. *mare* [4]. В. Пфаф возводил *Нарт* к названию народа *mardi*, обитавшего «на южном берегу Каспийского моря и в горах Эльбрус» [5]. М. С. Туганов усматривал в *Нарт* осет. *нæ* + *арт* «наш огонь (очаг); наша присяга» [6]. С. М. Ашхацава сопоставил *Нарт* с *Наири* — древним названием стран в бассейнах Урмийского и Ванского озер [7]; к этой точке зрения позже присоединились Б. А. Алборов и Ш. Х. Салакая. В слове *Нарт* элемент *т* Б. А. Алборов возводит к показателю множественности — *т* в осетинском языке [8], а Ш. Х. Салакая сближает его с *т* в названии *Урарту* [9]. М. В. Рклицкий, сравнивает *Нарт* с авест. *nara* «мужчина» и осет. *нард* «жирный, тучный» [10]. Ж. Дюмезиль в одной из ранних работ отождествлял его с санскр. *nrt* «плясать» [11], а в более поздней работе — с индоир. *nar* [12]. Г. У. Бейли возводит *Нарт* к и.-е. *narthra*, где *thra* обозначает активность, деятельность, *nar* — сильных и энергичных мужчин или богов [13, с. 113]. Ш. Д. Инал-ипа выводит термин *Нарт* из абхаз. *ан* «мать», *р* — показатель множественности, *т* (ср. *атаауа* «семья») в значении «семья матери» или «семья матерей» [14]. А. М. Гадагатыль объясняет *Нарт* из адыгского сочетания *нæ* + *тæ* «глаз дари» [15, с. 206—207]. Известны и другие попытки, но ни одна из существующих этимологий не может быть признана удовлетворительной.

В одном из ранних исследований В. И. Абаев, касаясь этимологии слова *Нарт* и собственных имен нартского эпоса в работах М. С. Туганова, А. Кубалова, М. В. Рклицкого и Б. А. Алборова, отмечает, что эти работы «не лишены в отдельных случаях весьма интересных и ценных мыслей и наблюдений. Однако все они в той или иной мере грешат против требований строгого научного метода и поэтому не убеждают во всем, что касается принципиальных выводов» [16, с. 63], а приведенные в них этимологии собственных имен нартов называет «крайне рискованными» [16, с. 64].

В трудах В. И. Абаева дается убедительное объяснение целого ряда терминов и собственных имен нартского эпоса. Вместе с тем не все его этимологии представляются бесспорными, это касается трактовки слова *Нарт* и соотношения имен *Сосруко* и *Сослан*. Поскольку выводы В. И. Абаева о происхождении эпоса и его национальной принадлежности во многом основываются на интерпретации этих слов, считаем необходимым здесь остановиться на них подробнее. В своих работах В. И. Абаев неоднократно затрагивает вопрос о происхождении имени *Сосруко* — центрального героя нартских сказаний абхазов, абазин, адыгейцев, кабардинцев, черкесов и убыхов. Рассматривая вопросы этимологии эпической лексики, мы отнюдь не собираемся вступать в «вечную» полемику по проблеме на-

циональной принадлежности этого памятника: мы стоим на точке зрения, что нартский эпос имеет не одно, а по крайней мере два основных ядра [17].

В. И. Абаев, на наш взгляд, с полным основанием отвергает распространенное сближение *нар* в слове *Нарт* с пран. *nar-* «самец, мужчина», поскольку последнее сохранилось в осетинском в виде *нэл* «самец». При наличии в осетинском *нэл* «самец», естественно, лингвистически невозможно возводить основу *Нарт* к указанному иранскому источнику, хотя некоторые авторы молчаливо обходят этот факт, очень существенный для корректного этимологического анализа. В слове *Нарт* элемент *нар* В. И. Абаев возводит к монг. *нара* «солнце» [18, с. 18], а конечное *-т*, как и Б. А. Алборов, — к осетинскому показателю множественности [18, с. 88—90]. Таким образом, по В. И. Абаеву, *Нарт* означает «дети Нара (солнца)», т. е. слово *Нарт* считается образованным от отсутствующего в осетинском языке монгольского слова *нара* с помощью суффикса множественности *-т*. В этой связи он пишет: «Вывод этот так же неизбежен, как самая точная математическая выкладка... это наименование имеет бесспорно осетинское оформление. Можно ли пройти мимо этого факта при определении национальной принадлежности нартского эпоса? Конечно, нет» [18, с. 88—89].

Этимология В. И. Абаева, хотя она для автора предreshает вопрос о национальной принадлежности нартского эпоса, неубедительна. Вызывает возражение членение *Нарт* на *нара* «солнце» + осетинский показатель множественности *-т*. Дело в том, что в осетинском языке слово *Нарт* морфологически не разлагается на составные части: в этом языке нет производящего слова *нар* (или *нара*) «солнце». Утверждение, что в осетинском языке наряду с исконным *хур* «солнце» параллельно могло существовать монг. *нара* «солнце», ничем не подтверждено [18, с. 90]. Что касается отождествления *т* в *Нарт* с показателем множественности, то оно наталкивается, по сути дела, на непреодолимые трудности.

Никто из крупных специалистов по индоиранским языкам, занимавшихся впоследствии этимологией *Нарт*, не выделяет в нем осетинского показателя множественности *-т*. Вряд ли это случайно. В отличие от фамильных имен типа *Худал-тæ*, *Мыртаз-тæ*, по модели которых, как полагают, построено и слово *Нарт*, во всех грамматических формах последнего сохраняется *т*, т. е. в этом слове *т* не выделяется морфологически ни в одной словоизменительной или словообразовательной форме в современном осетинском языке.

Что касается вычленения *т* в слове *Нарт* в историческом плане, то для обоснования этого положения, разумеется, недостаточно утверждения, что слово *Нарт* стало употребляться как аморфное образование [18, с. 88, примеч. 1]. Для диалектного вычленения показателя множественности *-т* в слове *Нарт* с лингвистической точки зрения, по-видимому, необходимы также (не говоря уже о главном, т. е. о недоказанной исходной посылке — существовании монг. *нар* (*нара*) «солнце» в истории осетинского языка) убедительные примеры, подтверждающие возможность сращения в осетинском языке показателя множественности с корнем (или основой) в одно неделимое слово. Примеры типа *цæст* «глаза», *мыст* «мышь», будто имеющие аналогичное морфологическое строение, оказались неудачными, и характерно, что в историко-этимологическом словаре осетинского языка В. И. Абаев не выделяет в них морфемы множественного числа [19, с. 305; 20, с. 142—143].

Оба положения, на которых основывается этимология В. И. Абаева, — наличие в истории осетинского языка монг. *нар* (*нара*) «солнце», сращение

последнего с осетинским показателем множественности — остаются недоказанными. Авторы, предлагающие объяснение *Нарт* на иранском материале, естественно, отрицают возможность отождествления *нар* с монг. *нара* «солнце».

Что касается того, что *Нарт* в осетинском чаще всего выражает идею собирательности и множественности, то это не может служить аргументом в пользу членения *Нарт* на *нар(a)* + показатель множественности *-т*. Идея собирательности и множественности свойственна слову *Нарт* и в других языках. Ср. каб. *Сорыкъуэ Нартым яшъышъышъ* «Сосруко (из рода) Нартов», *Нартым я къудыжыгъуэ* «Время исчезновения Нартов». Подобные примеры многочисленны. Членение *Нарт* на *нар (нара)* «солнце» + показатель множественности *-т* не приняли Э. Бенвенист [21, с. 50], Г. Бейли [13, с. 114], Л. П. Семенов [22] и другие исследователи. Х. С. Джиоев, отстаивающий иранское происхождение *Нарт* из *нар*, недавно писал, что этимологизация термина *нарт* В. И. Абаевым противоречива [23]. Однако этимологизация этого термина на иранской почве (возведение *нар* в *Нарт* к др.-ир. *nar-* «самец, мужчина») не менее противоречива, на что справедливо указывал В. И. Абаев. И сейчас мы можем с полным основанием повторить слова В. И. Абаева, сказанные им еще в 1945 г.: «Нельзя сказать, чтобы после всех приведенных попыток у нас было такое чувство, что термин *нарт* действительно разъяснен» [18, с. 18].

На современном этапе изученности ономастического (да и вообще всей лексики) нартского эпоса, по-видимому, трудно решить проблему происхождения слова *Нарт*. Однако в этой связи заслуживают внимания некоторые данные эпической лексики, все еще остающиеся вне поля зрения исследователей. Следует подчеркнуть, что любой новый языковой факт, как бы он ни был локален и незначителен на первый взгляд, должен быть привлечен к анализу, поскольку этимология *Нарт*, обсуждаемая в литературе вот уже 150 лет (со времен Ш. Б. Ногмова), остается до сих пор загадочной.

Все лингвисты, занимавшиеся этимологией разбираемого эпического названия, исходят из убеждения, что имеется только один вариант этого слова — *Нарт*. Последний представлен в языках, носители которых в прошлом принимали участие в создании нартского эпоса. Между тем существует второй фонетический вариант — *Нат*, широко употребляющийся в западных адыгейских диалектах. Ср. в шапсугском диалекте: *Нат Саусэры къуэ янэ Сэтэнае-гуашъэр зышъуызыгъэр Нат Узэрмэдж* [24] «Мать Ната Саусарыко Сатанай-гуаша была женой Ната Озермеджа». Если допустить, что вариант *Нат* является поздней диалектной инновацией, то наличие двух вариантов объясняется довольно просто: выпадением сонорного *р* в положении перед дентальным *т*: *Нарт* > *Нат*. Только в этом случае можно обойтись (как это и делают исследователи) без варианта *Нат* при решении вопроса о происхождении рассматриваемого слова.

В действительности же дело обстоит несколько иначе. Объяснить, почему, например, шапсуги произносят *Нат*, а не *Нарт*, фонетическими особенностями шапсугского диалекта невозможно. Последний не знает запрета на сочетание *рт*, широко допуская *р* в положении перед согласными. Более того, в этом диалекте консонантная группа *рт* отмечается в других лексемах. Ср. шапс. *къарт* «пласт земли», *шъурта* «буза». Заметим, что в последних сонорный *р* — инновация, т. е. результат его фонетического наращивания в положении перед дентальным *т*. Ср. темирг., абадз., каб. *къат* «пласт», бжедуг., темирг., абадз. *шъуатэ* «буза», каб. *фадэ* «напиток». В том же диалекте сонорный *р* появляется также в положении

перед другими согласными. Ср. *пцэрхъ* «удочка», *куырды* «колесная мазь», *цуырпэ* «клубника», *бгъуэрэ* «узкий» и др. Во всех подобных случаях сонорный *р* является вторичным, эпентетическим. Ср. адыг. лит. *пцэкъэнтф*, каб. *бзэкъуынтх* «удочка», адыг. лит. *куыды* «нефть», *цумпэ* «земляника», клубника», каб. *бгъуызэ* «узкий».

На фоне ярко выраженной тенденции к эпентетическому *р* в положении перед согласными в середине слова ($рt < t$, $рd < d$, $рп < п$, $рц < ц$ и др.) в шапсугском диалекте представлена форма *Нат* вместо формы *Нарт*. На наш взгляд, мимо этого факта не так легко пройти, хотя, разумеется, вопрос о соотношении *Нат* и *Нарт* требует дальнейшего анализа. Не следует игнорировать как наличие формы *Нат* в живой речи, так и широкое распространение во всех адыгских языках явления эпентезы [25, с. 215—223]. Во всяком случае, пока нет достаточных оснований исходить только из формы *Нарт* при объяснении этимологии этого слова, считая ее исходной по отношению к форме *Нат* в западных адыгейских диалектах, в том числе шапсугском, характеризующемся, кстати, архаичной фонетической системой.

Обращает на себя внимание и другой факт: сходное фонетическое строение названия *Кыт* (варианты *Кырт*, *Чыт*, *Чырт*, *Чынт* и др.) — эпических соседей Нартов, нередко выступающих родственниками последних. На адыгской почве вторичность начальной аффрикаты бесспорна, что отражает известный фонетический процесс аффрикатизации заднеязычных [25, с. 184—190]. В исходной форме отсутствовал сонорный согласный в положении перед дентальным *т*, т. е. формы с *р*, *п* (*Кырт*, *Чырт*, *Чынт*, *Чынт*) — новообразование, обусловленное указанной тенденцией к развитию консонантных групп типа *рt*, *пt* (*къат* > *къарт* и др.). Исходная форма этнонима *Кыт*, устанавливаемая в адыгских языках без каких-либо натяжек, восходит к общеадыгскому состоянию. Семантическая и фонетическая соотнесенность названий *Нат* и *Кыт* очевидна: оба являются эпическими этнонимами — названиями двух основных эпических народов, оба эпических этнонима включают конечный *т*. Данные западнокавказских языков не позволяют вычленишь в этих этнонимах элемент *т* как значимую морфологическую единицу. Тем не менее их соотнесенность говорит в пользу того, что элемент *т* диахронически выполнял морфологическую функцию. Можно лишь предположить, что этот суффикс служил для образования этнонимических названий.

В этой связи обращает на себя внимание этноним *hatti*. Введенный в научный обиход за последнее время лингвистический и культурно-исторический материал, свидетельствующий о генетических связях западнокавказских языков с хаттскими [26, 27], делает возможным сближение общеадыгского эпического этнонима *Кыт* с этнонимом *hatti* (*ht'* в древнеегипетских источниках) [28]. Впрочем, эта проблема — предмет специального исследования.

На данном этапе сравнительно-исторического и типологического изучения нартского эпоса, в том числе его лексики, вопрос о происхождении *Нарт* остается нерешенным. Следует подчеркнуть, что выяснение этимологии *Нарт*, хотя и имеет немаловажное значение, все же не решает проблемы генезиса нартского эпоса. Этимологическое значение названия *Edda*, например, неясно, но генетическая связь эддической поэзии с древнескандинавской мифологической традицией очевидна. Этимология названия *Нарт* тоже неясна, но бесспорен тот факт, что своими корнями нартский эпос уходит в древнюю мифологию народов, создавших этот памятник культуры. Не следует переоценивать значение происхождения слова *Нарт*

для решения вопросов генезиса нартского эпоса, его национальной принадлежности. Более принципиальное значение имеет решение вопроса о том, в какой этнолингвистической среде созданы имена основных героев, что непосредственно связано с истоками центральных циклов национальных версий нартского эпоса.

Значительный интерес вызывает происхождение имени *Сосруко*. Это и понятно: *Сосруко* — главный герой нартских сказаний у адыгейцев, кабардинцев, черкесов, абхазов, абазин и убыхов. Хотя в осетинских сказаниях, как справедливо отметил В. И. Абаев, в роли центрального героя выдвигается *Батрадз* [1, с. 34], *Сосруко* (*Созрыко*) тоже является важным действующим персонажем. Установление исходной формы этого имени и этнолингвистической среды, в которой оно возникло, имеет исключительное значение для изучения тех вариантов эпоса, где эпический цикл о *Сосруко* является центральным и узловым.

Существует несколько попыток объяснения имени *Сосруко*, но ни одна из них не может считаться бесспорной. Ж. Дюмезиль, В. И. Абаев и другие сторонники теории скифо-аланского происхождения эпоса, признают тот неоспоримый факт, что это имя включает адыгско-убыхское слово *къуз* «сын». Однако наличие последнего в имени центрального героя эпоса абхазско-адыгских народов и одного из героев эпоса осетин исследователи объясняют по-разному.

Своеобразное толкование имени *Сосруко* (*Созрыко*) предложил М. С. Туганов. Он утверждал, что имя *Сослан* из осетинского эпоса заимствовали кабардинцы, присоединив к нему вместо *ан* свое слово *къуз* «сын», а затем в кабардинизированной форме *Созрыко* вернулось обратно в осетинскую среду. Однако для обоснования этой и других своих этимологий (*Сослан* из *Сос-алан*, *Сатана* из *Сат-ёна*) М. С. Туганов не приводит никаких аргументов [29]. Прав был Ж. Дюмезиль, когда отмечал, что этимологические доказательства, приводимые М. С. Тугановым в отношении личных имен *Нарт* и *Сатана*, безотрадны [30].

Иное мнение высказал Э. Бенвенист относительно происхождения *Сослан*, *Сатана*, (*Шатана*) и других имен: «Можно перечислить все имена славных героев нартских сказаний, все имена их помощников, но мы не найдем ни одного имени, которое имело бы отношение к истории Ирана. Почти нет имен, имеющих иранскую форму. Что сказать об именах *Созырьхто*, *Хамыц*, *Сослан*, *Батраз*, *Барастыр*, *Шатана*, если не то, что они говорят о своем иноязычном (не иранском) происхождении? Для имени *Уырызмæг*, диг. *Уорæзмæг*, *Орæзмæг* можно постулировать форму **(a)varazmaka-*, но это только формальное предположение, лишенное всякого основания, даже если пытаться найти какие-то связи с собственными именами *Omrasmakos*, *Danarasmakos*. Даже *Аминон*, *Сырдон*, кажущиеся по форме иранскими, не встречаются в других языках. Возможно, что *Куырдалæгон* является стяжением из *Куырда Ала Уæргон* „кузнец Ала Уæргон“, но объяснить это как „кузнец Аланский Вулкан“ нельзя» [21, с. 139].

Отметим, что утверждение М. С. Туганова логически порождает другой вывод: поскольку имя *Сосруко* (*Созрыко*) в осетинских сказаниях бытует только в кабардинских формах, по М. С. Туганову выходит, что имя центрального героя нартских сказаний абхазско-адыгских народов заимствовали у кабардинцев другие народы — адыгейцы, абхазы, абазины, убыхи. Как увидим ниже, мнение М. С. Туганова не согласуется с фактами.

Точку зрения М. С. Туганова в отношении *Сосруко* приняли некоторые

авторы. В работе, посвященной нарттовскому эпосу, В. И. Абаев пишет: «Что касается имени двойника *Сослана*, *Созруко*, то оно, как правильно указывали некоторые авторы, представляет кабардинизацию имени *Сослан*, путем прибавления обычной в кабардинских именах частицы *ко* (*жуа*), что значит „сын“ (*Сосл — Соср — Соср-ко*)... Движение этого имени было, надо полагать, такое: из дигорской среды оно попало в кабардинскую, а оттуда уже в кабардинизированной форме *Созруко* было заимствовано в пронскую» [18, с. 28]. Позже В. И. Абаев иначе сформулировал свое мнение: «Пара *Сосрко-Сослан* — это не два разных имени, а одно имя *Соср*, оформленное в одном случае по-адыгейски (*-ко*), в другом — по осетински (*-ан*, современное *-он*): *-ко* в адыгейском, *-ан* в осетинском являются патронимическими формантами и стало быть обе формы *Сосрко* и *Сослан*, означают одно и то же: сын (или потомок) *Сосра*. Беда в том, что имя *Соср* не получило пока удовлетворительного разъяснения. Тот, кто разъяснил бы имя *Соср*, оказал бы немалую услугу нартским исследованиям» [1, с. 35—36]. Здесь, как мы видим, автор уже не ставит вопроса о преобразовании *Сослан* в *Созруко* и не возводит *Соср* к *Сосл*. Однако в последнее время В. И. Абаев вновь вернулся к точке зрения М. С. Туганова, хотя и несколько видоизменил ее: «Форма *Созруко*, — пишет В. И. Абаев, — представляет „адыгизацию“ имени *Сослан*. В староадыгском не было фонемы *л*, и имя *Сослан* должно было принять форму *Сосран*. Эта форма была затем снабжена излюбленным в личных именах элементом *-ко* (адыг. *qwa-* „сын“). Полученное *Сосрануко* (сохранилось в абазинском) было затем упрощено в *Сосруко* и в этой форме было заимствовано из адыгского (кабардинского) обратно в осетинский. Такие „челночные“ переходы слов и имен из одного языка в другой и обратно представляют нередкое явление» [31]; ср. также [32]. Подобные переходы слов, очевидно, встречаются в языках различных типов. Однако приведенные аргументы в пользу «челночного» движения имени *Сосруко* неубедительны и — что более существенно — не согласуются с фактами языка.

Фонема *л* отсутствует не только в староадыгском, но и во всех современных адыгских языках и диалектах, однако это никак не могло привести к изменению *Сослан* в *Сосран*. Дело в том, что фонема *л* заменяется в старых и новых заимствованиях адыгскими латеральными *л*, *лʔ*. Поэтому непонятно, почему в старых заимствованных словах (адыг. *Бислʔан* «Бислан», каб. *Беслʔэн* «Беслан», адыг. *Аслʔан*, каб. *Аслʔэн* «Аслан», адыг. *Кʔэплʔан* «Каплан») фонема *л* заменена фонемой *лʔ*, а в абсолютно тождественной фонетической позиции в слове *Сослан* та же фонема *л* должна была перейти в *р*. Ср. также другие старые заимствования: адыг., каб. *Сэлмэн* «Салман», *Залым* «Залим», *Султʔан* «Султан», *Исмагʔил* «Исмагил», адыг. *Джумал* «Джумал», каб. *Джэмал* «Джамал» и др. Примеры, иллюстрирующие переход чужой фонемы *л* в адыгские *л*, *лʔ*, многочисленны: адыг. *алп*, каб. *алʔп* «сказочный конь-богатырь», ср. тур. *alp* «герой, богатырь», адыг. *алашʔ*, каб. *алашʔэ* «мерин», ср. тюрк. *alaša* «мерин», адыг. *мэлы*, каб. *мэл* «овца», ср. тюрк. *tal* «скот; имущество, богатство», адыг. *кʔуылай* «удобный; зажиточный», каб. *кʔуылей* «богатый», ср. тюрк. *golai* «удобный, благоприятный; легкий»; адыг. *лул*, каб. *лулэ* «трубка», ср. перс. *lula* «то же» и др. Как видно, чужая фонема *л* заменяется не фонемой *р*, а латеральными фонемами *л*, *лʔ*. Остается необъяснимым, почему имя *Сослан* должно быть исключением из этого правила. С точки зрения фонетики адыгских языков это тем более странно и неприемлемо, что в совершенно аналогичном окружении фонема *л* в старых заимствованиях дает *лʔ*, а не *р*.

Ничто не препятствовало бы заимствованию имени *Сослан* в форме

Сослэн по модели иноязычных слов *Аслэн* «Аслан», *Къэплэн* «Каплан», *Беслэн* «Беслан» и др. Кстати, в кабардинский язык слово *Сослан* вошло именно в этой форме. Ср. личное имя *Сослэн-бэч* «Сослан-бек», относящееся к старым заимствованиям.

Между тем общеизвестно, что для осетинского языка характерен переход $p > л$. Ср. осет. *нэл* «самец, мужчина», *мал* «глубокая стоячая вода» и др., где *л* восходит к *p* [20, с. 68, 166], поэтому представляется вполне закономерным ожидать в осетинском переход $p > л$ в рассматриваемом случае, если допустить генетическое тождество *Соср* и *Сосл* в *Сосруко* и *Сослан*. Но если даже оставить в стороне переход $p > л$ в осетинском, приведенные выше примеры показывают, что имя *Сослан* в адыгских языках не может принять форму *Сосран*. В адыгском эпосе нет имен *Сосран* и *Сосрануко*. Нет также никаких следов, указывающих на то, что *Сосруко* представляет собой упрощенное *Сосрануко*. Отсутствует имя *Сосрануко* и в абазинских сказаниях, где второстепенные и эпизодические персонажи *Сосран* и *Сосранна* не отождествляются с центральным героем *Сосруко* [33].

Имя главного героя эпоса в абхазско-адыгских языках и их диалектах представлено в разных фонетических вариантах: абх. *Сасрыкъяу*, абаз. *Сасрыкъяу*, *Сосрыкъяу*, убых. *Саусырыкъяу*, адыг. *Сауэсырыкъяу*, *Сауэсырыкъяуэ*, *Саусырыкъяуэ*, *Саусэрыкъяуэ*, *Сасрыкъяуэ*, каб. *Сосрыкъяуэ*, *Созрыкъяуэ*. Общий элемент *къяу* // *къяуэ* «сын» (ср. адыг., каб. *къяуэ*, убых. *къяуэ* «сын») соединен с производящей основой в соответствии с широко известной словообразовательной моделью, т. е. с помощью соединительного гласного *ы* остается производящая основа в формах *Саср*, *Соср*, *Созр*, *Саусыр*, *Саусэр*, *Сауэсыр*. Сравнительный анализ последних показывает, что наиболее архаичным из них является *Сауэсыр*. Форма *Саср*, представленная в абхазском и абазинском языках и адыгейских диалектах, является результатом перехода *Сауэсыр* $>$ *Саср*. Что касается формы *Соср* ($>$ *Созр*), встречающейся в кабардинском языке, то по своему фонетическому облику она является наиболее поздним образованием, что можно считать установленным фактом: возможность перехода *Соср* $>$ *Сауэсыр* с точки зрения фонетики рассматриваемых языков исключена, в то время как переход *Сауэсыр* $>$ *Соср* иллюстрирует характерный звуковой процесс в этих языках. Здесь имеет место типичный для адыгских языков переход в межконсонантном положении *ауэ* $>$ *эуэ* $>$ *о* и редукция до нуля гласного *ы*. Ср. совершенно аналогичный процесс в фамильных именах, т. е. переход *ауэ* $>$ *эуэ* $>$ *о* в тождественной позиции: каб. *Шъауэмажуэ* $>$ *Шъэуэмажуэ* $>$ *Шъомажуэ* «Шомахов», *Шъауэжъара* $>$ *Шъэуэжъара* $>$ *Шъоэжъара* «Шокаров» и др.; редукция до нуля гласного *ы* в той же позиции, т. е. перед *p*: *Безырыкъяуэ* $>$ *Безрокуэ* «Безроков», *Мысырыкъяуэ* $>$ *Мысрокъяуэ* «Мисроков», *Темырыкъяуэ* $>$ *Темрокъяуэ* «Темроков» и др. Количество примеров можно легко увеличить, но в этом нет необходимости, поскольку указанные звуковые изменения закономерны и известны всем исследователям абхазско-адыгских языков.

Теперь сопоставим форму *Сауэсыр* с формой *Сосл* в *Сослан*. Можно сделать два вывода. Во-первых, учитывая значительные фонетические различия между *Сауэсыр* и *Сосл*, считать их генетически нетождественными (мы полагаем, что генетическое единство этих форм еще никем не обосновано убедительно). Во-вторых, если даже их генетическое единство не подлежало бы сомнению (или в дальнейшем подтвердилось бы), все же остается очевидным факт, что форма *Сосл* ближе стоит не к исходной об-

щеадыгской форме *Сауэсыр*, а к позднешему ее фонетическому видоизменению — кабардинской форме *Соср*¹. Из этих выводов следует, что не может быть принята точка зрения, согласно которой формы *Сауэсырыкхуэ*, *Сауэсырыкхуэ*, *Сасырыкхуэ*, *Сосрыкхуэ*, *Созракхуэ* восходят к *Сослан*. Что касается основы *Сауэсыр*, то остается убедительным сближение Н. С. Трубецким этой основы с именем адыгского божества *Сауэзрэхъ* «Саузараш» [35]. Такого же мнения придерживался и В. И. Абаев [16, с. 70], но позже отказался от него. В пользу указанного сближения говорят функциональные сходства *Саусаруко* (*Сосруко*) и *Саузараш*, отмеченные многими исследователями [36—38].

Эпические имена двух центральных героев в абхазско-адыгских и осетинских сказаниях сложились в разных этнолингвистических условиях. В этой связи отметим, что не может быть речи о возведении к адыгскому источнику, как это делают некоторые авторы [15, с. 204—206], имени центрального героя осетинских нартских сказаний *Батрадз* (каб. *Батрээ*, адыг. *Пэтэрээ*), созданного, по мнению В. И. Абаева, на осетинской почве из *Батыр-ас* «богатырь асский» [18, с. 27]. Лингвистически несостоятельными являются также неоднократно предпринимавшиеся попытки объяснить имя центрального героя карачаево-балкарских сказаний *Ерюзмек* (каб. *Уэрэмэдж*, осет. *Уырымæг*) на материале адыгских языков. Даже фонетическое строение этого имени говорит в пользу того, что в адыгской нартской ономастике оно относится к иноязычным элементам.

Общим для абхазско-адыгских и осетинских сказаний (и не только для них) является имя *Сатаней* (*Сатанай*, *Сатанней-гуаша*, *Сатйна*), не имеющее до сих пор удовлетворительной этимологии на материале кавказских и иранских языков. Л. Лавров [39], сближал имя главной героини нартского эпоса с именем аланской принцессы Сатиник, что кажется нам произвольным, как и попытки отождествить сказание о последнем походе Урызмага с армянским сказанием об упомянутой принцессе [40]. В. И. Абаев писал, что о происхождении имен *Сатйна* и *Сослан* «нельзя сказать ничего определенного, кроме того, что они не могут быть отнесены к иранскому слою осетинского языка» [16, с. 73]. Неубедительно объяснение, согласно которому имя *Сатаней* состоит из адыгских *сэ* «меч» + *тэн* «дарить» + *ай* (ласкательный суффикс) и означает «меч дарящая» [15, с. 200].

Оставляя в стороне совершенно неясную этимологию имени *Сатаней*, следует подчеркнуть, что эпический образ героини в абхазско-адыгских сказаниях неотделим от *Сосруко*. В нартских сказаниях, по крайней мере абхазско-адыгских, проникновение образа *Сатаней* из цикла *Сосруко* в другие циклы — явно вторично, т. е. первоначально героиня была прикреплена к циклу *Сосруко*.

Что касается имен неглавных героев, то некоторые из них достаточно надежно объясняются на местной (кавказской) почве, а другие относятся к старым заимствованиям, но с давних пор бытующим в языке нартского эпоса.

Адыг. *Шъауай* «Шауай», каб. *Шъэуей* «Шауей», осет. *Сæуай* имеют убедительную этимологию на адыгской почве. Они восходят к общеадыгскому слову *шъауэ* «юноша». От этого слова образованы имя другого нарта

¹ Анализируя грузинские варианты нартского эпоса и фонетические формы имен героев, Ш. В. Дзидзигури отмечает, что *Соср* (*Созыр*) является исходным для *Сосл*. «Сравнение *Sosuran* — *Sozar* и *Soslan* дает возможность предположить, что исходным является *Sozar*, откуда посредством добавления *an* получены: *Sozar-an* → *Sosur-an* → *Soslan*» [34].

Шъауэ «Шауэ» и его региональные варианты *ШъауауцI* «Шаоц», *Шъауэ-къауэ* «Шаоко». Оно же входит в состав имени нартов *Тэтэршъау* «Татаршау», *Тыришъау* «Таришау» (варианты *Тыришъау* «Тыршау», *Тышъау* «Тышау»); ср. также имя нарта *ШъауIас* (< *ШъауэIасэ*) в абаздехских сказаниях.

Адыг. *Алэдж*, каб. *Алыдж* (варианты *Алэгъ*, *Алыгъ*, *Гэлыджэ*, *Гэлыгъэ*), осет. *Алэгъ* — название известного нартского рода В. П. Абаев сближает с абх. *лыг* «мужчина» в слове *алыгъжэ* «старик, старый мужчина» [19, с. 44].

Адыг. *Гадыйыф* «Адипф», каб. *Гэдийыху* «Адинху» образовано из адыг. *Гадый*, каб. *Гэдий* «рука» + адыг. *фы*, каб. *хуы* «белый», что и соответствует функции героини, излучающей свет, освещающей путь.

Прозрачны также по своему значению и морфологическому строению имена таких героев, как адыг. *Пакуэ* «Пако», каб. *Пагуэ* «Паго» (букв. «тупоносый»), адыг. *Лъэгуюц* «Лтегуиц», каб. *Лъэбыцэ* «Лтебица» (букв. «лохматоногий»), *Гэишъауэ* «Апшаца» (букв. «лохматорукий»), адыг. *Шыужъый* «Шужий», каб. *Шужъей* «Шужей» (букв. «маленький всадник»), адыг. *Дзэгъашът* «Дзагашт» (букв. «пугающий войско, врага»), адыг. *Гъуыгъылъ* «Гукипл» (букв. «раскаленное железо»).

Характерно, что разбираемые имена младших героев образованы на базе сочетания слов, подчеркивающих свойства, качества и признаки героя. Они созданы по традиционной модели имен: *Шъауэфыжэ* «Шаофиж» (букв. «белый витязь»), *Гапшъабгъу* «Апшабгу» (букв. «с широкими запястьями»), *Шъофыжэ Гапшъабгъу* «Шаофиж Апшабгу».

Ср. также в адыгских сказаниях имена близнецов: адыг., каб. *Пыджэ* букв. «рубака» (мастерски владеющий холодным оружием), *Пызыгъэшъ* (букв. «отсекающий»), адыг. *Цэгуынэжэ* «Цаунеж» (букв. «проницательный»), *Уысэрэжэ* «Усареж» (букв. «прорицатель»); последняя пара образована по продуктивным моделям, включающим распространенный в языке фольклора эпитет *жъы* в значениях «старый, бывалый, славный, могучий».

Вместе с тем в сказаниях адыгейцев, кабардинцев, убыхов, абхазов и абазин часть собственных имен, в том числе имен некоторых старших героев, должна быть отнесена к старым заимствованиям. Имена таких известных героев, как адыг. *Тутарышъ* «Тутариш», каб. *Тотрэш* «Тотреш» (осет. *Тотрадз* «Тотраза»), адыг. *Уэрэмэс* «Орземес», *Уэрэмэджэ* «Орземедж» (осет. *Уырымэжэ*), адыг. *Насрен*, каб. *Насрэн* «Насран», адыг. *Хъымышъ*, каб. *Хъымышъ* «Химмиш» (осет. *Хъмыц*) и др. не могут быть объяснены на адыгской (или абхазско-адыгской) почве. По своему фонетическому облику они явно относятся к старым заимствованиям. В то же время не требует пояснений и то, что иноязычное имя героя (или неясность его происхождения) не означает, что весь цикл сказаний, связанный с именем данного героя, также является чужим. Так, в цикле *Батраза* (*Патараза*) в адыгских сказаниях эпоса очень много, в том числе наиболее древний пласт, идет из осетинских сказаний. В то же время в адыгских версиях цикла *Батраза* (*Патараза*) имеются сюжеты, созданные в более поздний период в адыгской среде.

Нартский эпос состоит из многих циклов. Их удельный вес в разных национальных версиях не одинаков. Зарождение эпического цикла и возникновение имени героя далеко не всегда относятся к одному хронологическому срезу. Это подтверждается также тем, что некоторые известные персонажи сказания носят разные имена, восходящие к разным периодам развития нартского эпоса. Так, в адыгских сказаниях популярный герой

Тотрэш (*Тутарышь*) в ряде вариантов известен только как *Іапшѣабгѣу* (*Іапшѣабгѣуз*) «Апшабгу» или *Шѣуэфыжѣ* «Шеофиж». Мы не исключаем возможности того, что имя *Тотрэш* может быть вторичным.

Итак, различна этнолингвистическая среда, в которой созданы имена двух центральных героев в абхазско-адыгской и осетинской версиях нартского эпоса. Имя *Созрыко* (*Созруко*) — абхазско-адыгский вклад в осетинские сказания, а имя *Бэтрэз* (*Пэтэрэз*, *Патраз*) — осетинский вклад в абхазско-адыгские сказания [речь идет об имени, а не корне *бэтр-* (*нэтр-*, *патр-*)]. Подобное взаимопроникновение элементов не исчерпывается именами двух центральных героев, а охватывает также имена других персонажей. Так, имена *Алэг* (*Алэгатэ*), *Сѣуай* (*Шауай*) в осетинские сказания привнесены из абхазско-адыгского мира, в то время как *Тотрэш* (*Тутарышь*, *Татраш*), *Урзэмедж* (*Узырмэдж*, *Урзэмас*, *Узырмас*) проникли в абхазско-адыгские сказания из осетинских. Приведенные примеры, число которых может быть увеличено, подтверждают тезис о гетерогенной основе ономастической лексики нартского эпоса, что, бесспорно, связано с своеобразием композиции и эпической структуры самого памятника. Как отмечалось выше, заимствование эпического имени не означает, что заимствован и весь эпический цикл, связанный с данным героем. Вместе с тем происхождение эпических имен, в особенности центральных героев (точнее — этнолингвистическая основа их создания и зарождения), говорит о многом относительно истоков и эволюции основных национальных версий нартского эпоса, его узловых, ядерных эпических циклов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абаев В. И. Проблемы нартского эпоса // Нартский эпос. Орджоникидзе, 1957.
2. Толстой Н. И. Некоторые проблемы и перспективы славянской и общей этнолингвистики // ИАН СЛЯ. 1982. № 5. С. 404.
3. Нозомов Ш. Б. История адыгейского народа. Нальчик, 1977. С. 27.
4. Лопатинский Л. Г. Кабардинские предания, сказания и сказки // Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. XII. Тифлис, 1891. С. 45.
5. Пфаф В. Б. Материалы для древней истории осетии // Сб. сведений о кавказских горцах. Вып. IV. 1. Тифлис, 1870. С. 4.
6. Туанов М. С. Кто такие нарт? // Изв. Осетинского научно-исследовательского ин-та краеведения. Вып. I. Владикавказ, 1925. С. 372.
7. Ашхацава С. М. Пути развития абхазской истории. Сухуми, 1925. С. 32.
8. Алборов Б. А. Термин «нарт» (К вопросу о происхождении нартского эпоса). Владикавказ, 1930. С. 293.
9. Салакая Ш. Х. Абхазский нартский эпос. Тбилиси, 1976. С. 89—92.
10. Рклицкий М. В. К вопросу о нартах и нартских сказаниях // Изв. Осетинского научно-исследовательского ин-та. Вып. II. Владикавказ, 1927. С. 17.
11. Dumézil G. Légendes sur les Nartes. P., 1930. P. 188.
12. Dumézil G. Le livre des Héros. P., 1965. P. 11.
13. Baily H. W. Analecta Indo-Scythica // Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. 1953. P. 3—4.
14. Инал-ипа Ш. Д. Об абхазских нартских сказаниях // Тр. Абхазского научно-исследовательского ин-та. Вып. XXIII. С. 115—116.
15. Гадагата А. М. Героический эпос «Нарты» и его генезис. Краснодар, 1967.
16. Абаев В. И. О собственных именах нартского эпоса // Язык и мышление. V. М.—Л., 1935.
17. Кумахов М. А., Кумахова З. Ю. Язык адыгского фольклора: Нартский эпос. М., 1985. С. 81—121.
18. Абаев В. И. Нартский эпос // Изв. Северо-Осетинского научно-исследовательского ин-та. Т. X. Вып. 1. Дзауджикау, 1945.
19. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М.—Л., 1958.
20. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. II. М.—Л., 1973.

21. Бенвенист Э. Очерки по осетинскому языку. М., 1965.
22. Семенов Л. П. К вопросу о происхождении осетинского нартского эпоса // Изв. Северо-Осетинского научно-исследовательского ин-та. 1957. Вып. XIX. С. 7.
23. Джигоев Х. С. К вопросу о происхождении термина «нарт» // Вопросы кавказской филологии и истории. Нальчик, 1982. С. 130.
24. Нартхэр (Нарты). Т. II. Мыекъяуапэ, 1969. Н. 34.
25. Куматов М. А. Сравнительно-историческая фонетика адыгских (черкесских) языков. М., 1971.
26. Иванов Вяч. Вс. Об отношении хаттского языка к северо-западнокавказским // Древняя Анатолия. М., 1985.
27. Ардзинба В. Г. Нартский сюжет о рождении героя из камня // Древняя Анатолия. М., 1985.
28. Дьяконов И. М. Языки Древней Передней Азии. М., 1967. С. 166.
29. Туганов М. С. Литературное наследие. Орджоникидзе, 1977. С. 129—130.
30. Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. М., 1976. С. 26.
31. Абаев В. И. Нартовский эпос осетин // Сказания о нартах: Осетинский эпос. М., 1978. С. 12—13.
32. Абаев В. И. Нартовский эпос осетин. Цхинвали, 1982. С. 78.
33. Нарты. Абазинский народный эпос. Черкесск, 1975.
34. Дзидзигури Ш. В. Грузинские варианты нартского эпоса. Тбилиси, 1971. С. 16.
35. Trubetzkoy N. S. Erinnerungen an einen Aufenthalt bei den Tscherkessen des Kreises Tuapse // Caucasicca. 1934. Bd. XI. S. 8.
36. Тебу де Мариньи. Путешествие в Черкессию // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв. Нальчик, 1974. С. 304.
37. Люлье Л. Ю. Историко-этнографические статьи. Краснодар, 1927. С. 29.
38. Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса. М., 1963. С. 179—180.
39. Лавров Д. Заметки об Осетии и осетинах // Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. III. Тифлис, 1883. С. 189.
40. Мелетинский Е. М. Место нартских сказаний в истории эпоса // Нартский эпос. Орджоникидзе, 1957. С. 39.